

УДК 01

Изменение представления о роли метафоры в познавательном процессе¹

Береснева Наталья Ириковна

Профессор, доктор философии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Российская Федерация, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: beresnevv@mail.ru

Аннотация

В статье автор анализирует постепенный процесс усиления эпистемологического статуса метафоризации в связи со сменой научной парадигмы. Очевидно, что осуществившийся переход от классической науки к современной – это не только изменение в ставящихся проблемах и в предметных областях дисциплины, но и формирование принципиально новой исследовательской культуры. Обосновывается идея о том, что изменение представления о науке как таковой, отказ от классического наукоцентризма, истончение границы между наукой и другими когнитивными практиками приводят к пересмотру понятийного инструментария, методологии, которые включают и метафоры. Автор отмечает, что постепенно учеными признается особая роль метафоры в процессе познания. Признание аксиологичности, субъектности, коммуникативности, диалогичности, контекстности и конструктивно-творческого характера научно-исследовательской деятельности позволяет рассматривать метафору не как научный нонсенс, а как важный и естественный элемент научного дискурса в силу незавершенности и открытости познавательного акта и его обусловленности контекстом сообщения, несущим смысл. В заключение автор приходит к выводу о том, что метафора – это фундаментальное свойство человеческого мышления, а при реализации в когнитивной системе – естественный познавательный процесс, и она выполняет познавательную функцию.

Для цитирования в научных исследованиях

Береснева Н.И. Изменение представления о роли метафоры в познавательном процессе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 1А. С. 23-30.

Ключевые слова

Метафора, научный дискурс, методология науки, научная парадигма.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Мультимодальная проекция гносеологического процесса» № 16-13-59007.

Введение

Гносеологические функции процесса метафоризации и метафоры как таковой сегодня становятся объектом особого внимания философии науки и эпистемологии. Это может быть следствием и лингвистического переворота, который имел место в философии XX века, и бурного роста в последние годы интереса ученых к исследованию проблем структуры и разных функций языка, осознания особой роли метафорических образований в различных типах обыденного, художественного, научного дискурса и в различных сферах культуры. Кроме того, изменение видения значения метафорических переносов в рамках познавательного процесса произошло за счет изменения традиционных вопросов познавательного плана в философии и за счет характерного для постнеклассического периода изменения образа науки.

Вопрос о том, как возможна метафора в научной речи, встал в центр дискуссий о современных проблемах научной рациональности, о критериях науки и о месте науки в современном мире, современной культуре. Является ли метафора только инструментом или же она есть основа научной онтологии, с какого уровня метафоричности наука перестает быть таковой – все это (и не только) проблемы, вокруг которых ведутся дискуссии о роли метафоры в эпистемологическом процессе.

В данной статье автор обосновывает положение о том, что смена представления о науке как таковой, отказ от классического наукоцентризма, постепенное истончение границы между наукой и другими познавательными практиками приводят к пересмотру состава концептуальных инструментов методологии, которые включают и метафоры. Метафора из маргинальной конструкции в научной речи переосмысливается в один из основных элементов научного творчества.

Обсуждение гносеологического статуса метафоры

Обсуждение гносеологического статуса метафоры производится в контексте сосуществования различных моделей науки, каждая из которых основывается на различных как философских, так и методологических основаниях. Этот ряд включает в себя и концепцию науки, основанную на аналитическом подходе, и когнитивистскую исследовательскую программу, и герменевтическую парадигму, и постмодернистский проект, и др. Указанное разнообразие, соответственно, коррелирует с разнообразием научных дискурсов, «языков». Таким образом, метафора может толковаться в широком диапазоне, начиная от девиантного эпистемологического образования (в идеале классической науки), заканчивая единственно возможным способом представления знаний (в идеале постмодерна), от жесткой установки на полное удаление метафоры из научного языка с помощью различных редуцирующих процедур логического плана до ее абсолютной легитимизации и, наконец, до представления ее как основного, базового элемента познавательной деятельности.

Современная философия и методология науки сталкиваются с проблемами, которые вызваны эрозией ранее установленных стандартов и идеалов. Произошел переход от классической науки к современной науке, и это не только изменение в ставящихся проблемах и в предметных областях дисциплины, но и формирование совершенно новой исследовательской культуры. В современном научном дискурсе также происходят фундаментальные изменения, преодолеваются ранее разработанные и налаженные концептуальные структуры классики. Во-первых, произошло преодоление субъект-объектной парадигмы и связанных с ней установок на язык как абсолютно прозрачный, нейтральный инструмент описания объекта исследования. Если в классической науке доминировал объективизм (она изучает объект «сама по себе») и это приводило к стремлению полностью удалить из науки субъекта, игнорировать роль собственно познавательных орудий и их влияние на изучаемый объект, то наука неклассическая, наоборот, противопоставляет классическому объективизму субъективизм, и объекты оказываются совокупным проявлением свойств и мира, и прибора, и возможностей исследователя – это их взаимодействие. «Тело» знания, таким образом, включает в себя субъект. И субъект познания, в свою очередь, определяется целым рядом факторов, в том числе нерациональных, таких как идеология, бессознательное, язык.

Модели научной рациональности были совершенно изменены, на это указывает в первую очередь фундаментальное изменение в интерпретации «субъект-объектного» отношения и его замена на «субъект-субъектную» модель. В этой модели акцент был перенесен на сферу межличностных коммуникаций, что привело к введению в эпистемологию и философию науки различных антропологических и культурных особенностей. Наука, по словам М.К. Петрова, все больше и больше приобретает черты «человекоразмерности»: «Каждый в отдельности элемент научного знания определенно человекоразмерен – он открыт и знаково оформлен человеком, которому не дано совершить нечто, превышающее его силы и возможности» [Петров, 1976, www].

Неклассические философские интерпретации языка (которые основаны на гумбольдтовской интерпретации языка как «органа», посредством которого человек создает или генерирует мысль) также, как правило, концентрируют свое внимание на его идеологических, мифологических особенностях, нарративе, на репрессивных практиках его применения, дискурсивных и конструктивистских. Это и М. Хайдеггер, у которого человек как «пастух бытия» слушает его призыв к абсолютной полноте семантики, и экзистенция как «бытие-в-коммуникации» (К. Ясперс), и интерпретация научного дискурса как герменевтической практики (Ю. Хабермас), и «смерть субъекта» (М. Фуко) и развитие языка «под сенью Власти» (Р. Барт), и деконструкция (Ж. Деррида), и др.

Переход на принципиально новую эпистемологическую стратегию позволяет создавать такие модели науки, где метафора может стать неотъемлемой частью деятельности ученого. Это, конечно же, не означает методологической вседозволенности, но включает в себя принципиально новый уровень осознания природы научного творчества.

Новая модель рациональности и новая теория научной метафоры

Новая модель рациональности, которую Ю. Хабермас определил как коммуникативную, определяется «фундаментальными коммуникативными структурами», укоренившимися в культуре и языке [Хабермас, 1993]. Модель науки, соответствующая этому типу рациональности, требует построения новой теории научной метафоры, которая была бы пригодной для решения этой задачи. Это явление следует толковать на основе фундаментального диалогизма академического дискурса, зависимости познавательных актов от контекста общения, от экзистенциальных смыслов. Его значение может быть выявлено только на пересечении различных подходов, концепций, исследовательских программ и стратегий.

Интерес к исследованиям метафоры проявляют также современная литературная критика, лингвистика, психология, когнитивная наука, психолингвистика, теория искусственного интеллекта и др. Количество работ, посвященных проблеме ее функционирования, продолжает расти. В философии изучение метафоры является основой гносеологической проблемы отношения мышления и языка, словесного и несловесного. Отсюда и многообразие философских концепций языка, и трудности в сопряжении различных точек зрения и подходов к изучению феномена метафоры.

В эволюции теоретических подходов к проблеме можно охарактеризовать следующие ключевые позиции. Значение метафоры как эпистемологической структуры рассматривалось в течение многих лет только отрицательно, она понималась как нечто расплывчатое, то, что затрудняет познавательный процесс. Начиная с Аристотеля, метафора изучалась как фигура речи, как особая лингвистическая техника, основанная на переносе свойств одного объекта на другой. Позже в рамках лингвистики, риторики и литературоведческих исследований описываются основные характеристики языковой метафоры (А.А. Потебня, К. Якобсон, А.Ф. Лосев). Эта точка зрения на метафору сохраняется и в современной науке, но понимание метафоры как фигуры поэтической, как языкового средства является лишь частью современного понимания метафоры.

С конца XIX века к изучению метафоры привлекается уже культурология, антропология, психология, философия, выявляется роль метафоры в процессе перевода с одной системы значений в другую (В.В. Иванов, О.М. Фрейденберг, Ю.М. Лотман, Э. Кассирер). В 1960-70-е годы с появлением таких научных областей, как психолингвистика, когнитивная лингвистика, когнитология, которые иначе рассматривают проблемы отношения между языком и мыслью, явление метафоры понимается намного шире – не только как результат, но и как процесс [Телия, 1988, 173]. Обсуждение проблемы метафоры переводится в парадигму когнитивной науки, в которой метафора рассматривается как словесный представитель метафорического переноса, который происходит на уровне базовых глубинных структур мышления. Выделяется определенный уровень концептуальных метафор как средств организации опыта. Основатели теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон

показали, что, организуя воспринимаемую реальность и способы человеческого поведения в мире, метафоры могут выступать в качестве модели мышления: «...метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии» [Лакофф, 1990, 387], в частности, как эмпирические рамки, в которых люди могут научиться осваивать абстрактные понятия. Описывается когнитивный механизм отражения и опыта явлений одного рода в терминах явлений другого рода, который необходим для строительства аналогий, в том числе и в области науки (М. Блэк, Д. Гентнер, Б. Боудл, С. Глаксберг, М. Хессе, Р.Харре). В процессе познания осуществляется «перенос наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, 55].

Теория взаимодействия, или интеракционистская теория метафоры, разработанная А. Ричардсом и М. Блэком, считает метафору «устранением напряженности» между метафорически использованным словом и контекстом его использования, в соответствии с системой общих ассоциаций. Согласно этой концепции, метафорическое выражение невозможно передать в буквальном смысле слова, без потери познавательного содержания.

В аналитической философии разработаны принципы анализа истинностного значения метафоры, критерии метафоричности (Н. Гудмен, М. Блэк, Э. Маккормак, Д. Дэвидсон, Дж. Серль).

В советской философии проблема метафоры также присутствовала в исследовательских полях «активность субъекта познания», «соотношение воображения и отражения» (П.В. Копнин и др.). Исследовалась роль метафоры в формировании концептуального и терминологического аппарата научных теорий [Береснева, 2011], изучались процессы переноса понятий из областей смежных наук, вербализации информации, онтологизации, интерпретации теорий. Было осознано, что невозможно описать метафорические структуры внутри обычной референциальной теории. Чтобы дать теории референции социокультурное измерение, было предложено обратиться к «расширенным» теориям референции, которые использовали семантику возможных миров.

Опираясь на философские труды Г.-Г. Гадамера, М. Бахтина, М. Хайдеггера, П. Рикера, можно описать метафору как средство выражения непредметного содержания, которое открывается в герменевтическом акте понимания. Интерпретация Ю. Хабермасом, К.-О. Апелем, теориями, опирающимися на герменевтику как метатеоретическую установку (К. Джерджен, Р. Харре), концепцию научного дискурса как специфической герменевтической практики позволяет исследовать роль метафоры в символическом обмене значений и построении социальной реальности.

В развитии теории познания проявляется тенденция к усилению интерпретативной модели науки и, следовательно, допущению проявления большей неопределенности в способах вербализации научного знания. Признание аксиологичности, субъектности, коммуни-

кативности, диалогизма, контекстуального, а также конструктивно-творческого характера научной деятельности позволяет рассматривать метафору как важный и органичный элемент научного дискурса в силу незавершенности, открытости познавательного акта, его обусловленности контекстом общения, нагруженности экзистенциальными смыслами [Баданова, 2016; Агафонов, 2016].

Заключение

Итак, метафора – это фундаментальное свойство человеческого мышления, при реализации в когнитивной системе – естественный познавательный процесс. Метафора выполняет познавательную функцию. Языковая форма позволяет смыслу постоянно накапливаться, сосредотачиваться, обобщаться. Метафора по своей сути эмерджентна: ее семантические свойства не являются простой суммой составляющих ее компонентов.

Поскольку языковые ресурсы (а точнее, ресурсы нашего «конечного словаря») ограничены, до сих пор единственный способ произвести эффект – это сочетание или игра буквальных или общепринятых смыслов слов. «Это формирует своеобразную диалектику свободы и необходимости» [Суровцев, www], т.е. создает странное взаимодействие между ограниченностью ресурсов и бесконечностью смысловых комбинаций.

Библиография

1. Агафонов Е.А. Конструктивно-прогностическая природа языка в контексте неклассической теории познания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 3. С. 85-94.
2. Баданова Н.М., Богданова Е.Н., Фирсова С.В. Трансформация общения посредством современных информационно-коммуникационных технологий // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 4. С. 81-89.
3. Береснева Н.И., Мишланова С.Л. Язык как «идеальное» средство познания // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2011. № 1. С. 33-38.
4. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. // Теория метафоры. М., 1990. С. 387-415.
6. Петров М.К. Человекоразмерность и мир предметной деятельности. URL: http://net-gorod.narod.ru/articls/Petrov_4elovekorazmernost.htm.
7. Суровцев В.А., Сыров В.Н. Языковая игра и роль метафоры в научном познании. URL.
8. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988.
9. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия». 1993. № 4. С. 43-63.

Changing views of the role of metaphor in the cognitive process

Natal'ya I. Beresneva

Professor, Doctor of Philosophy,
Perm State National Research University,
614990, 15 Bukireva st., Perm', Russian Federation;
e-mail: beresnev@mail.ru

Abstract

This article analyzes the gradual process of strengthening the epistemological status of metaphorization in connection with the change of scientific paradigm. It is obvious that the realized transition from classical science to modern – is not just a change in its problems and subject areas of the discipline, but also the formation of a new research culture. The article substantiates the idea that changing ideas about science as such, the rejection of classical science centrism, thinning the boundaries between science and other cognitive practices lead to the revision of the conceptual tools, methodologies that include metaphors. The author of this article comes to the conclusion that scientists gradually recognize the special role of metaphor in process of cognition. Recognition of axiomaticity, subjectivity, communicative, dialogic, contextnode and constructive-creative nature of research activities allows considering the metaphor not as scientific nonsense, but as an important and natural element of scientific discourse because of the incompleteness and openness of the cognitive act and its conditionality by the message context, bearing the meaning. The author talks that metaphor is a fundamental property of human thinking, and when metaphor is implemented in a cognitive system it is a natural cognitive process and it performs a cognitive function.

For citation

Beresneva N.I. (2017) *Izmenenie predstavleniya o roli metafory v poznavatel'nom protsesse* [Changing views of the role of metaphor in the cognitive process]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (1A), pp. 23-30.

Keywords

Metaphor, scientific discourse, methodology of science, scientific paradigm.

References

1. Agafonov E.A. (2016) *Konstruktivno-prognosticheskaya priroda yazyka v kontekste neklasicheskoi teorii poznaniya* [Structurally predictive nature of language in the context of the

- nonclassical theory of knowledge]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and reflection: philosophy of the world and human being], 3, pp. 85-94.
2. Badanova N.M., Bogdanova E.N., Firsova S.V. (2016) Transformatsiya obshcheniya posredstvom sovremennykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii [Transformation of communication through modern information and communication technologies]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and reflection: philosophy of the world and human being], 4, pp. 81-89.
 3. Beresneva N.I., Mishlanova S.L. (2011) Yazyk kak "ideal'noe" sredstvo poznaniya [Language as an "ideal" means of cognition]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State Humanities University], 1, pp. 33-38.
 4. Kubryakova E.S. et al. (1996) *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Short dictionary of cognitive terms]. Moscow: Moscow State University.
 5. Lakoff Dzh. (1990) Metafory, kotorymi my zhivem. [Metaphors we live by]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow.
 6. Petrov M.K. *Chelovekorazmernost' i mir predmetnoi deyatelnosti* [human-sizedness and the subject world]. Available at: http://netgorod.narod.ru/articls/Petrov_4elovekorazmernost.htm [Accessed 11/11/2016].
 7. Surovtsev V.A., Syrov V.N. *Yazykovaya igra i rol' metafory v nauchnom poznanii* [Language game and the role of metaphor in scientific knowledge]. Available at: <http://philosophy.ru/library/surovtsev/syrov.html> [Accessed 11/11/2016].
 8. Teliya V.N. (1988) Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoï kartiny mira [The metaphORIZATION and its role in the creation of a language world's image]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira* [The role of human factor in language: language and world view]. Moscow.
 9. Khabermas Yu. (1993) Teoriya kommunikativnogo deistviya [The theory of communicative action]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7 "Filosofiya"* [Bulletin of Moscow University. Series 7 "Philosophy"], 4, pp. 43-63.